



---

Эдуард Лабу-  
лэ СКАЗКИ

---

Сборник II.

---

ЛАБУЛЭ  
Эдуард Рене  
(Edouard Rene  
Lefebvre  
Laboulaye,  
1811-1883)

---

## **МУДРОСТЬ НАРОДОВ, или ПУТЕШЕСТВИЯ КАПИТАНА ЖАНА.**

LA SAGESSE DES NATIONS ou LES VOYAGES DU CAPITAINE JEAN

### **I. КАПИТАН.** LE CAPITAINE JEAN

Ребёнком (с тех пор прошло много времени) я жил у бабушки, в прелестной деревне на берегу Сены. Помню, что нашим соседом был преоригинальный господин, которого звали капитан Жан. Капитан, как рассказывали, был старый моряк, ходивший пять раз кругом света. Я его и теперь вижу. Это был толстый, короткий, коренастый человек, с жёлтым морщинистым лицом, загнутым, словно орлиный клюв, но-

сом, седыми усами и большими золотыми серьгами в ушах. Он одевался всегда одинаково: летом с ног до головы во всём белом, в широкой соломенной шляпе, а зимой весь в синем, в вощёной шляпе, башмаках с пряжками и узорчатых чулках. Капитан жил один с одной большой чёрной собакой и ни с кем не говорил. От этого на него смотрели, как на чудовище, и в то время, когда я бывал непослушен, няня страшила ужасным соседом. Эта угроза всегда приводила меня к послушанию.

Несмотря, однако ж, на всё это, я был привязан к капитану. Правда, я не смел взглянуть ему прямо в лицо – мне всегда казалось, что спрятанные под седыми бровями маленькие его глазки метали пламя – но тем не менее я ходил за ним следом и – уж не знаю, как это случилось! – всегда бывал на его дороге. Дело в том, что моряк совсем не походил на прочих людей. Каждое утро в лугах моего бабушки он сидел над водой и с наслаждением, никогда не

оставлявшим его, удил рыбу на удочку. В то время, как он, не шелохнувшись, сторожил пескарей, я вздыхал от зависти, так как мне не позволялось даже приблизиться к реке. И сколько было радости, когда капитан звал свою собаку, клал ей зажжённую спичку в рот и спокойно набивал себе трубку, взглядывая на несколько испуганную морду Фиделя. Это было зрелище, забавлявшее меня больше латинской грамматики!

В десять лет не умеют скрывать то, что чувствуют. Капитан заметил моё поклонение и угадал, какое желание грызло моё сердце. Однажды, когда я стоял приподнявшись на носках и, притая (затаив) дыхание, глядел через спину рыболова на лесу, капитан сказал мне голосом, который раздался в моих ушах, словно пушечный выстрел.

– Подойдите-ка, молодой человек. Вы, как я посмотрю, любитель. Если вы можете просидеть пять минут спокойно, возьмите-ка вот ту удочку, что лежит подле меня. Посмотрим, как вы выйдете из этого положения!

Трудно описать, что произошло в моей душе. Я испытывал кое-какие радости и моей жизни, но никогда волнение не было так сильно, как после этих слов, Я покраснел, слёзы навернулись на глаза, и вот я сел рядом с моряком с удочкой в руках. Я, как Фидель, был неподвижен и глядел на капитана с не меньшей признательностью, чем Фидель. Когда крючок был закинут, поплавков пошевелился.

– Внимание, молодой человек! – шепнул капитан. – Что-то есть. Пустите свободно руку, тяните-ка осторожно назад, снова опустите и теперь дёргайте тихонько к себе. Помучьте-ка этого дурака!





Я послушался и скоро вытащил славного синца с такими же белыми и почти такими же длинными усами, как у капитана. О, славный день! Никакие успехи не изгладил тебя из памяти! Ты остался днём моей лучшей и счастливейшей победы!

С этого счастливого часа я сделался другом капитана. На другой же день он мне говорил ты, приказал мне говорить ему так же и назвал своим матросом. Мы стали неразлучны, и скорей можно было увидеть капитана без собаки, чем без меня. Моя мать заметила эту привязанность, и так как капитан был хороший человек, то она воспользовалась нашей дружбой. Когда я плохо читал или когда орфография в диктовке была чересчур фантастична, меня лишали общества моего друга и на следующий день (что было ещё хуже!) прикатывали объяснить капитану причину моего отсутствия, и Бог знает, каких только клятв не произносил он из-за меня! Благодаря этому спасительному страху я делал быстрые ус-



пехи, и если теперь не делаю ошибок, когда пишу, то этим обязан превосходному человеку, который в правописании был немножко слабее меня.

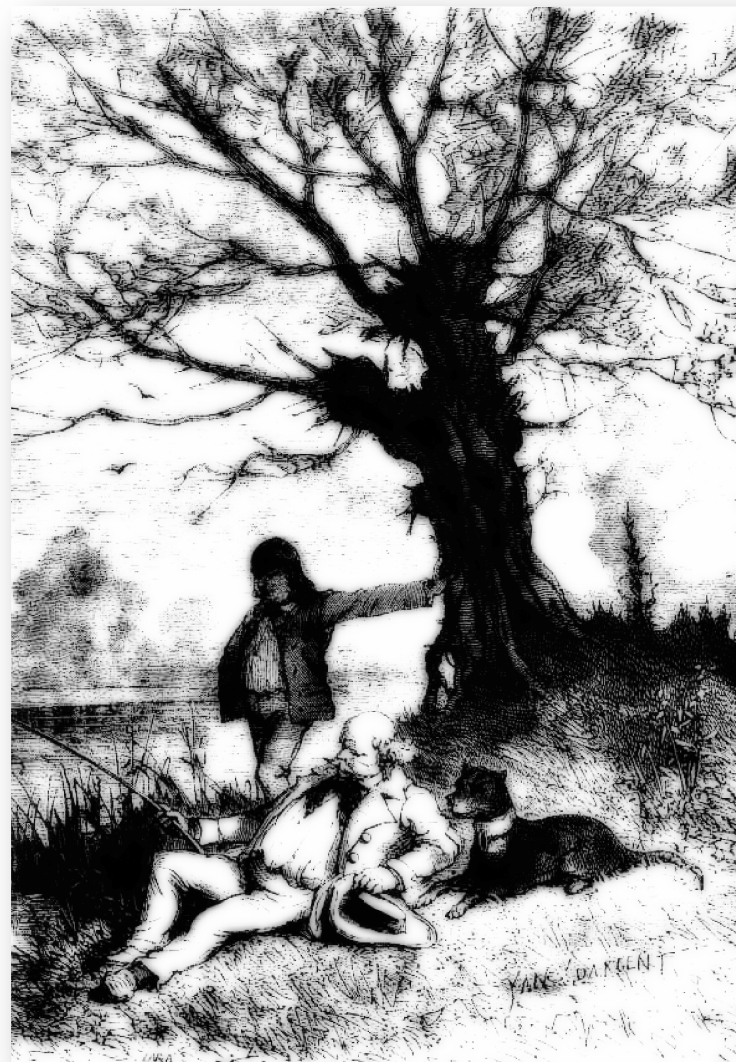
Однажды, когда я не без труда получил позволение пойти к капитану, и когда сердце моё было полно только что полученными замечаниями, я спросил его:

– Капитан! Когда же ты читаешь? Когда пишешь?

– По правде, – сказал он, – это было бы несколько затруднительно. Я не знаю ни читать, ни писать.

– Ты очень счастлив! – крикнул я. – У тебя нет учителей, ты можешь веселиться и всегда знаешь всё, не учась.

– Не учась? – повторил он. – Не думай этого; мне досталось дорого то, что я знаю; ты бы не захотел моих знаний, если б знал, чего они мне стоят.



– Как так, капитан? Тебя никогда ведь не бранили, и ты: всегда делал всё, что хотел.

– Именно в этом ты и ошибаешься, моё дитя, – сказал капитан, смягчая свой густой голос и глядя на меня ласковым взглядом. – Я делал то, что хотели другие, и у меня был ужасный учитель, который не даёт задаром своих уроков: его зовут опытом. Он не так добр, как твоя мать, за это я тебе отвечаю.

– Это, значит, опыт сделал тебя, капитан, учёным?

– Учёным – это много. Но он выучил меня тому немногому, что я знаю. Ты, дитя моё, читаешь книгу, пользуешься опытом других, а я учился собственной шкурой. По несчастью, я не умею читать, но у меня есть библиотека, стоящая всякой другой. Она вот тут, – прибавил он, хлопнув себя по лбу.

– А что у тебя есть в библиотеке?

– Всего понемногу: путешествия, искусства, медицина, пословицы, сказки. Ты смеёшься? Мой милый, право, в одной сказке найдётся больше поучения, чем во всех римских историях. Народная мудрость создала сказки. Малые и большие старые и молодые – все могут извлечь из них для себя пользу.

– Если б ты рассказал мне, капитан, одну или две, и я бы стал бы таким учёным, как ты.

– С удовольствием, – отвечал старый моряк, – но только предупреждаю: я не умею красно говорить. Я тебе расскажу так, как мне рассказывали. Я поясню, при каких обстоятельствах и какую пользу я извлёк из них. Слушай же историю моего первого путешествия.



## II. ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КАПИТАНА.

PREMIER VOYAGE DU CAPITAINE JEAN.



Мне было двенадцать лет, и я был в Марселе, моём родном городе, когда меня взяли юнгой на купеческий бриг "Прекрасная Эмилия". Мы везли в Сенегал те голубые ткани, которые зовутся гвинейской кисеёй, и должны были привезти назад золотого песку и слоновой кости. В первые пятнадцать дней наше плавание не было особенно интересно, и если я что помню, так разве пинки, которыми угощали меня без счёта для того, чтобы образовать мой характер и снабдить меня умом, как говорили на бриге. На третьей неделе мы подошли к берегам Андалузии и однажды вечером кинули якорь в некотором расстоянии от Альмерии. Когда стемнело, лейтенант брига взял ружьё и стал забавляться, стреляя ласточек, которых, однако, я не видал, так как солнце уже село давно. Случайно на берегу явилось тоже несколько охотников, которые ходили взад и вперёд и с не меньшим упрямством несколько раз выстрелили по невидимой дичи. Сию же минуту спустили на воду шлюпку, не спусти-



ли, а скорее бросили меня в неё и заставили принимать и укладывать тюки, которые подавались с судна; затем поставили паруса и без шума направились к берегу. Я решительно недоумевал, к чему устроили эту прогулку в беззвёздную ночь, но юнга не рассуждает много. Он слушается без слова. Иначе берегись ударов.

Шлюпка пристала на пустынном берегу, далеко от альмерийского порта. Лейтенант, начальствовавший нами, стал свистать, и скоро я услышал шаги людей и лошадей. Тюки выгрузили, навьючили их на лошадей, ослов и мулов, бывших там очень кстати, и затем лейтенант, отдав приказание матросам ждать до рассвета, уехал, приказав мне ехать с ним. Меня посадили на мула меж двух корзин, и вот мы поехали, но неизвестно куда.



Через час заметили огонёк и направились на него. Чей-то голос крикнул: "Кто идёт?" – ему отвечали: "Старинные".

Отворили дверь, и мы вошли в трактир, в котором были люди с физиономиями не очень-то добрых христиан. Это были, как я скоро узнал, цыгане и контрабандисты. Мы занимались запрещённой торговлей, за ко-



торую можно было попасть на галеры. Согласия моего на это не спрашивали.

Лейтенант вместе с цыганами вошёл в низкую залу, которую заперли, а меня оставили со старухой, готовившей ужин: это была самая безобразная колдунья, какую только я видел. Она взяла меня под руку, вытаращила на меня глаза, и я невольно задрожал. Когда старуха осмотрела меня достаточно, она заговорила со мной. Я очень удивился, услышав её лепетанье, похожее на марсельское наречие. Она обвязала меня сальной тряпкой, посадила рядом с собой на камышовую циновку и, бросив мне цыплёнка, приказала его ощипать.

Юнга должен знать всё, если не хочет, чтобы его побили. Я принялся щипать перья внимательно, подражая старухе, которая делала то же самое. Время от времени она строила приятные улыбки, желая

ободрить меня, и всякий раз при этом показывала единственное сокровище, оставшееся у неё во рту, – три жёлтые и изломанные зуба. Когда цыплята были ощипаны, надо было искрошить лук и очистить чеснок. Я сделал всё это самым лучшим манером, не столько из дружбы, сколько из страха перед старухой.

– Довольны ли вы, бабушка? – спросил я, когда все приготовления были окончены.

– Да, мой сын, – сказала она, – Ты добрый мальчик, и я хочу тебя вознаградить. Дай-ка руку.

Она взяла мою руку, повернула её и стала глядеть расположение линий на ладони, точно собралась погадать.

– Довольно, бабушка! – сказал я, отдёргивая руку. – Я христианин и не верю в это.





расскажу тебе историю его брата. Ты увидишь, что рано или поздно каждый наказывается своими же грехами и что неблагодарный никогда не избежит кары.

Она выговорила последние слова таким мрачным голосом, что я задрожал. Затем она начала следующую сказку.

– Ты глупо делаешь, мой сын, я б тебе могла много чего рассказать; хоть я бедна и стара, но принадлежу к народу, знающему всё. Мы, цыгане, слышим голоса, которые от вас ускользают, мы говорим со зверьми, птицами и рыбами.

– Значит, – сказал я, – вы знаете, бабушка, историю о несчастье цыплёнка, которого я только что ощипал?

– Нет, – промолвила старуха, – мне некогда было его слушать, а если хочешь, я

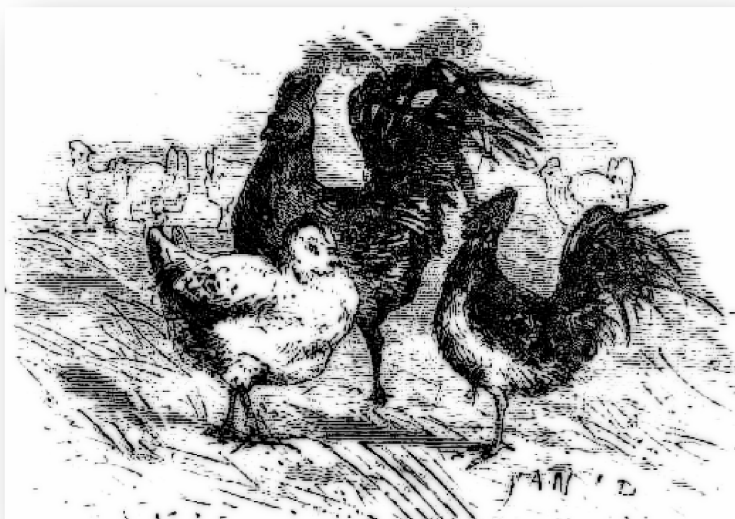
### III. ИСТОРИЯ КУКУРЕКУ (1). HISTOIRE DE COQUERICO.

Однажды была прекрасная курица, которая барыней жила на заднем дворе богатого фермера; она была окружена большим семейством, кудахтавшим вокруг неё, и никто из детей не орал громче всех и не вырывал скорее всех зёрен из материнского клюва, как один маленький, уродливый и безобразный цыплёнок. Это был именно тот, которого мать любила больше всех. Уж так созданы матери; их фавориты всегда самые некрасивые. Этот уродец имел один глаз, одну лапку и одно крыло. Можно было подумать, что Соломон на Кукуреку (так звали этого дурного цыплёнка) осуществил свой памятный суд и разрезал цыплёнка надвое своей волшебной шпагой. Когда вы кривы, одноглазы и хромоноги – самое лучшее для вас быть скромным, но наш

кастильский гордец Кукуреку, напротив того, был горделивей своего отца, который имел чудные шпоры и был таким любезным, храбрым и вежливым петухом, какого вы не встретите от Бургоса до Мадрида. Кукуреку воображал себя каким-то фениксом красоты и грации, и по целым часам любовался на себя, смотрясь в канавку с водой. Если один из братьев, бывало, нечаянно толкнёт его, Кукуреку сейчас же подымет брань, называя брата завистливым и ревнивым, и готов был на драку, рискуя своим единственным глазом; если курицы кудахтали при нём, он говорил, что это они кудахтают с досады, оттого что он не достаивает их своим взглядом.

Однажды, когда тщеславие залезло к нему в голову сильнее обыкновенного, он сказал матери:





– Послушайте, маменька: Испания мне надоела, я отправлюсь в Рим. Мне хочется видеть папу и кардиналов!

– Что ты выдумал, дитя моё? – закричала бедная курица. – Кто вложил тебе в голову такую глупость? Никогда никто из нашего семейства не выходил из своей страны, и так как мы составляем гордость нашей расы, мы можем для доказательства показать нашу генеалогию. Где ты найдёшь такой задний двор, такой белый, выкрашенный

известкой курятник, такие шелковичные деревья, где можно укрыться от дождя, такой великолепный навоз, такие черви и зёрна, рассеянные повсюду, таких добрых братьев и трёх собак, которые защищают тебя от лисицы? Неужели ты думаешь, что в Риме ты не пожалеешь об изобилии и спокойствии подобной жизни?

Кукуреку приподнял своё единственное крыло с видом пренебрежения и сказал:

– Маменька, вы добрая женщина; всё ведь хорошо для того, кто никогда не оставлял своей навозной кучи, но я, слава Богу, настолько умён, что хорошо вижу, что мои братья не имеют в голове решительно никаких идей, а мои двоюродные – настоящие олухи. Мои способности глохнут в этой дыре. Я хочу посмотреть на свет и составить себе состояние.

– Но, сын мой, – перебила мать-курица. – Разве ты никогда не видел себя в лужице? Разве не знаешь, что у тебя не хватает

глаза, лапки и крыла? Чтобы составить себе состояние, надо обладать глазами лисичы, лапами паука и крыльями коршуна. Только что ты уйдёшь отсюда, ты погиб!

– Матушка, – отвечал на это Кукуреку, – когда курица высидит утёнка, она всегда боится, когда утёнок бежит к воде. Вы ведь вовсе меня не знаете!.. Моё назначение иметь успех, благодаря моему уму и талантам. Мне необходимо общество, которое способно удивляться моей особе. Моё место не здесь, посреди мелких людей.

Когда курица увидела, что все убеждения напрасны, она сказала Кукуреку:

– Сын мой. Выслушай по крайности последние советы матери. Если ты будешь в Риме, берегись проходить возле церкви св. Петра. Там не жалуют петухов, особенно если они поют. Избегай тоже некоторых особ, которых зовут поварами и поварёнками; ты их узнаешь по белым колпакам, по подвязанным передникам и по ножам,

которые они носят сбоку. Это патентованные разбойники; они охотятся за нами беспощадно и режут нам шеи, не давая даже времени произнести: "Помилуй мя, боже!" Ну теперь, моё дитя, – прибавила она, приподнимая лапку, – получи моё благословение, и да спасёт тебя св. Яков. Это покровитель странников.

Кукуреку сделал вид, что не заметил слёзы на глазах у матери; он тоже весьма мало беспокоился и об отце, который между тем расставил против ветра гребешок и, казалось, звал сына. Вовсе не думая о тех, кого оставлял, неблагодарный Кукуреку выскочил в полуоткрытую дверь и только что почувствовал себя вне дома, замахал крылом и, приветствуя свою свободу, три раза пропел: кукуреку, кукуреку, кукуреку!







Подпрыгивая, наполовину летая, побежал он через поле и скоро достиг ручейка, который был высушен солнцем. Между тем посредине песка текла полоска воды, но такая маленькая, что пара упавших листьев остановила её течение.

Когда ручеёк заметил путешественника, то сказал ему:

– Мой друг, ты видишь мою слабость. Я не в силах освободиться от этих листьев, которые загородили мне дорогу, и не могу повернуть в другую сторону, так как я очень изнурён. Одним ударом клюва ты можешь возвратить мне жизнь. Я не способен быть неблагодарным, и если ты поможешь мне, то можешь рассчитывать на мою признательность, в первый же день дождя, когда небесная вода мне возвратит силу.

– Ты шутишь, что ли? – крикнул Кукуреку. – Разве я похож на чистильщика канав? Обращайся-ка к людям твоего сорта! –



прибавил он и перескочил своей единственной лапкой через полосу воды.

– Ты вспомнишь обо мне! – шепнула водица, но шепнула таким слабым голосом, что гордец не слышал.

Немного дальше наш петушок заметил ветер. Он был запыхавшись и, выбившись из сил, лежал на земле.

– Добрый Кукуреку! – сказал он. – Помоги мне; здесь внизу следует помогать друг другу. Ты видишь, куда меня забросил дневной жар, меня, который, в другое время, вырывает оливковые деревья и вздымает моря, теперь я убит жаром. Меня усыпил запах роз, с которыми я играл, и вот теперь я почти без чувств лежу на земле. Если бы ты меня приподнял дюйма на два от земли твоим клювом и помахал бы на меня немножко крылом, у меня хватило бы силы подняться вон до тех белых облаков, которые погнал один из моих же братьев. Там я получу от моего семейства помощь, и

эта помощь позволит мне просуществовать до того времени, как я получу наследство от первого урагана.

– Князь! – отвечал злой Кукуреку, – Ваше превосходительство несколько раз разыгрывало со мной весьма нехорошие штучки. Ещё не прошло восьми дней, как ваше сиятельство изволило забавляться, раздувая пером мой хвост и покрыв меня стыдом перед лицом всех наций. Терпение, мой достойный друг! И до насмешников дошла очередь. Весьма полезно дать им предостережение, чтоб заставить их уважать известные особы, которые по рождению, уму и красоте должны быть вне насмешек какого-нибудь дурака.

После этого Кукуреку напыжился, три раза крикнул своим осиплым голосом: кукуреку, кукуреку, кукуреку! – и гордо пошёл своей дорогой.

На сжатом поле лежали только что вырванные жнецами дурные травы, и дымок



выходил из кучи куколи и шпажника. Кукуреку подошёл, желая помародёрствовать, и увидел крошечное пламя, которое охватило зелёные стебли, но зажечь их не могло.

– Мой добрый друг! – закричало пламя пришедшему. – Ты пришёл вовремя спасти мою жизнь: без питания я умираю. Я не знаю, где веселится мой двоюродный братец ветер; принеси ко мне несколько сухих соломинок, чтоб мне оживиться. Ты поможешь признательной особе.

"Подожди-ка, – подумал Кукуреку, – я тебе услужу по твоим заслугам. Кто тебя, наглого, послал ко мне!"

И вот цыпленок вскочил на кучу сырой травы и так крепко придавил её к земле, что пламя перестало шуметь, и дым больше не показывался. После этого господин Кукуреку, по обыкновению, пропел три раза: кукуреку, кукуреку, кукуреку! – и потом

взмахнул крылом, точно он совершил подвиг Амадиса.

Вечно прыгая и кудахтая, Кукареку пришёл наконец и в Рим; все дороги приводят туда. Только что он вошёл в город, он прямо побежал к большому собору св. Петра. Он не думал его рассматривать, а немедленно поместился против главных ворот и, несмотря на то, что среди колоннады он казался не больше мухи, Кукуреку приподнялся на своей шпоре, стал петь: кукуреку, кукуреку, кукуреку! – единственно только для того, чтоб раздражить святого и не послушать свою мать.

Он не успел ещё кончить, как швейцар из папской гвардии услышал пение, схватил наглеца и потащил домой, чтоб сделать из него ужин.

– Вот, – сказал он, показывая Кукуреку своей хозяйке. – Дай-ка мне скорей кипятку, чтобы ошипать этого исповедника.

– Помилуйте, помилуйте, госпожа вода! – закричал Кукуреку. – Добрал, сладкая, красивая вода! Лучшая в мире вещь, не обвари меня!

– А ты жалел меня, когда я тебя упрашивала, неблагодарный! – отвечала вода, кипевшая от гнева.

В один миг она облила его сверху донизу и не оставила ни одной пушинки на его теле.

Тогда швейцар взял несчастного цыплёнка и насадил его на вертел.

– Огонь! Не жги меня! – закричал Кукуреку. – Отец света, брат солнца, родственник бриллианта, побереги несчастного! Ос-

танови свою горячность, смягчи своё пламя, не жарь меня!

– А ты жалел меня, когда я тебя умолял, неблагодарный! – отвечал огонь, сверкавший от злости.

И одним взмахом пламени он сделал из Кукуреку кусочек угля.

Когда швейцар заметил, что жаркое его в таком печальном положении, он взял цыплёнка за ногу и выкинул в окно; ветер подхватил его и бросил на навозную кучу.

– Ветер! – шептал Кукуреку, ещё дышавший. – Добрый зефир и покровитель, я раскаялся в моих глупых поступках, позволь мне успокоиться на родной навозной куче.

– Успокоиться? – загудел ветер. – Подожди, я тебе покажу, как я обращаюсь с неблагодарными.



И одним порывом он так высоко подбросил цыплёнка на воздух, что Кукуреку, падая, упал на колокольню. Там его-то и ждали. Собственноручно пригвоздили Кукуреку на самый высокий шпиг в Риме. Кукуреку и теперь показывают путешественникам. Несмотря на то, что он стал высоко, его всякий презирает, потому что он поворачивается все стороны при малейшем ветре. Он сухой, чёрный, без перьев, вымоченный дождём. Его теперь зовут не Кукуреку, а флюгаркой. Таким-то образом ему воздаётся и ещё воздастся за его тщеславие, заносчивость, а главное, за его злость.

#### IV. ЦЫГАНКА. LA BOHEMIENNE.

Когда окончилась сказка, старуха понесла ужин лейтенанту и его друзьям; я ей в этом помогал, и на мою долю пришлось поставить на стол два козьих меха, полнёшеньких вином. После этого мы с цыганкой вернулись в кухню и закусили в свою очередь.

Прошло несколько времени после нашего ужина, и я дружелюбно разговаривал со старой хозяйкой, как вдруг в столовой послышался шум, проклятия и ругательства. Скоро вышел лейтенант; в руках у него был топор, который обыкновенно он носил за поясом, и этим топором лейтенант грозил своим собеседникам; каждый из них имел по ножу, вполовину прикрытому рукою. Ссора вышла из-за счетов. Один из контрабандистов держал в руках мешок с пиастрами и не хотел его отдать. Жадность

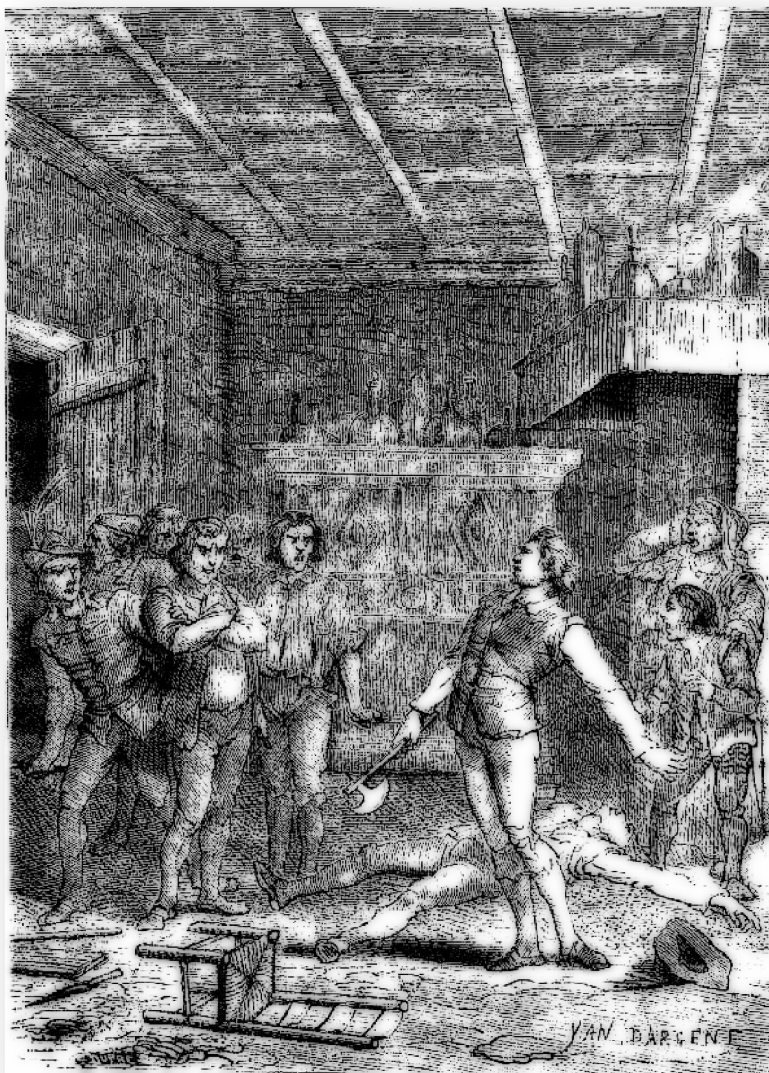
и пьяное состояние не давали им понять друг друга.

Интереснее всего было то, что они пришли просить старуху решить спорный вопрос. Она имела на этих людей большое влияние благодаря, конечно, своей репутации как колдуньи; её презирали, но боялись, Цыганка выслушала все перекрёстные крики, потом стала на пальцах считать тюки и пиастры и объявила, что лейтенант не прав.

– Несчастная! – крикнул он, – Ты мне заплатишь за эту кучку воров.

Он взмахнул топором, Я бросился вперёд остановить его руку и получил удар, который оставил меня с изувеченным мизинцем на остальные дни моей жизни. Это был первый урок, поданный опытом; он поселил во мне на всю жизнь отвращение к пьянству.





Взбешённый, что не попал, лейтенант свалил меня ударом ноги на землю и снова бросился на старуху, но вдруг остановился, поднёс руки к животу, вынул из него длинный окровавленный нож, крикнул, что умирает, и упал.

На эту ужасную сцену потребовалось меньше времени, чем на рассказ о ней. Вокруг мертвеца стала тишина. Потом скоро возобновились крики, но теперь говорили на языке, мне непонятном, на языке цыган. Один из контрабандистов показывал на мешок с пиастрами, другой схватил меня за шиворот, словно собираясь меня удавить, третий тащил меня за руку к себе.

Среди этого шума старуха подходила от одного к другому и, прикладывая руки к голове, кричала громче всей толпы; потом, взяв меня за руку, она показывала мой окровавленный и почти отрубленный мизинец. Я начинал понимать. Очевидно, некоторые из контрабандистов хотели воспользоваться случаем и, желая дёшево приоб-

рести всё то, что мы им привезли, предлагали удержать деньги и избавиться от меня. Я должен был заплатить жизнью за то, что невольно попал в дурное общество. Это был ещё урок; он мне стоил дорого, но зато пригодился потом.

По счастью (счастью) для меня старуха одержала верх.

Моим защитником стал один сильный плут. Его фигура, вполне достойная виселицы, резко выделялась среди этих милых людей. Он меня придвинул к себе вместе с цыганкой и, держа в руках топор лейтенанта, сказал: речь, которую я не понимал, но из которой я не проронил ни слова; я бы её мог перевести так: "Этот ребёнок спас жизнь моей матери, и я его беру под свою защиту. Первый, кто его тронет, будет убит!"

Только подобное красноречие могло спасти мою жизнь. Через четверть часа после всей этой суматохи мою рану перевязали

порохом и водкой и посадили меня на мула; сбоку около меня была корзина с мешком пиастров, а напротив большой мешок, который висел по обе стороны. Меня провожал один цыган, мой спаситель, имевший в руках по пистолету.

Когда мы подъехали к берегу, мой проводник позвал капитана, бывшего в шлюпке, и имел с ним на берегу долгий и живой разговор. После этого он меня поцеловал, отдал деньги и сказал: "Руми (2) за добро платит добром и за зло злом. Ни слова о том, что ты видел, иначе ты умрёшь!" Я сел в шлюпку вместе с капитаном, который приказал бросить в угол мешок, принесённый двумя матросами. Когда мы вернулись на бриг, меня послали спать; я долго не мог заснуть, но усталость пересилила волнение. Когда я проснулся, уж был полдень. Я думал, что меня побьют, но узнал, что ещё не подымали якоря, потому что на бриге случилось несчастье. Лейтенант, сказали мне, внезапно умер от апоплексии-

ческого удара, случившегося от чрезмерного употребления водки; в то же утро лейтенанта зашили в мешок, привязали в ноги ядро и бросили в море. Его смерть никого не опечалила; он был очень злой человек, и можно было воспользоваться его долей в экспедиции. Через час после этих похорон поставили паруса, и мы пошли, направляясь на Малагу и Гибралтар.

## **V. СКАЗКИ НЕГРОВ.** CONTES NOIRS.

Остальная часть путешествия прошла без особенных приключений. Уверенный в моей скромности, капитан обращался со мною дружески и, когда мы сошли на берег в Сен-Люи, в Сенегале он взял меня для своих услуг и оставил жить вместе с ним.

Во время пребывания моего в этой новой стране для того, чтоб чему-нибудь да научиться, я не пренебрегал ничем. Негры, окружавшие нас со всех сторон, говорили на языке, которому никто не потрудился выучиться. "Ведь это дикари", – повторял мой капитан, и этим всё было сказано. Что же касается до меня, то я, шатаюсь по улицам, скоро нашёл себе друзей между этими бедными неграми, которые очень добродушны и усердны. Частью, ломая их язык, частью разговорными знаками мы и кончали всегда тем, что понимали друг друга; я

так часто говорил с ними о том, о другом, что скоро научился говорить на их языке, точно и меня Бог создал с кожей крота. "Кто отправляется в страну, не зная языка той страны, тот отправляется не в путешествие, а в школу", – говорит пословица. Эта пословица справедлива, и я по опыту узнал, что негры смышлѣны и остроумны не менее нашего.

Между теми, с которыми я чаще видался, был один портной; он любил поговорить и никогда не терял случая доказывать мне, что чѣрные имеют больше ума, чем белые.

– Знаешь ли ты, – сказал он мне однажды, – как я женился?

– Нет, – отвечал я, – я знаю, что твоя жена одна из искусных работниц в Сен-Люи, но ты никогда не рассказывал мне, как ты её выбрал.

– Она меня выбрала, а не я её! – при-  
молвил он, – Это одно тебе доказывает,  
сколько у наших женщин есть разума и

смышлѣности. Слушай-ка мой рассказ; он  
тебя заинтересует.

## **ИСТОРИЯ ПОРТНОГО.** L'HISTOIRE DU TAILLEUR.

Один портной (это был мой будущий  
тесть) имел красавицу невесту-дочку; все  
молодые люди искали её руки за её красо-  
ту, Два соперника (одного ты знаешь!)  
пришли к красавице и сказали ей:

– Мы здесь из-за тебя!

– Что вам надо? – смеясь, отвечала она.

– Мы тебя любим, – заметили оба моло-  
дые люди, – и каждый из нас хочет на тебе  
жениться.





Красавица была благовоспитанная девушка: она позвала отца, который, выслушав двух претендентов, сказал им:

– Сегодня уже поздно; уходите и возвращайтесь завтра; вы узнаете, кто из вас двоих женится на дочери.

На другой день с рассветом оба молодые люди возвратились.

– Вот и мы! – крикнули они портному, – Помните, что вы обещали нам вчера?

– Подождите! – отвечал портной, – Я схожу на рынок купить кусок сукна; когда я его принесу, вы узнаете, чего я от вас требую.

Когда портной возвратился с рынка, он позвал свою дочь и, после её прихода, сказал молодым людям:

– Мои сыновья! вас двое, а у меня одна дочь. Кому отдать, кому отказать? Вот штука сукна. Я из нее выкрою две одинаковые



одежды, и каждый из вас должен сшить по одежде. Кто первый кончит, будет моим зятем.

Оба соперника взяли свою работу и приготавились шить на глазах у хозяина. Отец позвал дочь и сказал ей:

– Вот нитки; ты будешь готовить их для двух работников.

Дочь послушалась отца; она взяла клубок и села около молодых людей.

Но красавица была хитра. Отец не знал, кого из двух она любит, молодые люди тоже этого не знали, но молодая девушка это знала. Портной вышел; молодая девушка приговорила нитки, молодые люди взяли за иголки и стали шить. Но тому, кого она любила, (ты понимаешь) красавица дала короткую нитку, а тому, кого не любила, дала длинную нитку. Каждый из них шил очень усердно: в одиннадцать часов работа была на половине, а в три часа пополудни мой друг, молодой человек с корот-

кими нитками, кончил свой урок, тогда как другой ещё был далёк от конца.

Когда вошёл портной, победитель подал ему свою работу, соперник его всё ещё шил.

– Дети мои, – сказал отец, – я не хотел покровительствовать ни одному, ни другому и потому разделил сукно на две равные части и сказал вам: кто первый кончит, тот будет моим зятем. Хорошо ли вы меня поняли?

– Отец, – отвечали молодые люди, – мы поняли твои слова и согласились на испытание. То, что сделано, умно сделано.

Портной рассуждал так: кто кончит первый, тот, значит, лучший работник и, следовательно, лучше сумеет вести своё хозяйство. Он только не мог предвидеть, что дочь приготовит длинные нитки тому, кого не хотела иметь мужем. Хитрость решила испытание; красавица сама выбрала себе мужа.

– И теперь – прежде чем рассказывать мою историю красивым европейским дамам – спроси-ка у них, что бы они придумали на месте негритянки, и ты увидишь, что самая хитрая между ними станет в тупик.

Во время рассказа портного о своей женьтибе в комнату вошла его жена и работала, не говоря ни слова, точно этот рассказ вовсе до неё не касался.

– Дочери вашей страны не глупы! – сказал я ей, смеясь. – Мне кажется, они умнее своих мужей.

– А это потому, что мы от матерей получили хорошее воспитание, – отвечала она – Нас всех укачивали сказкой о ласочке.

– Расскажите-ка и мне, прошу вас. Я повезу эту сказку в Европу для того, чтобы ею воспользовалась моя будущая жена, когда я женюсь.

– Охотно, – сказала негритянки. – Вот эта история.

## **ЛАСОЧКА И ЕЁ МУЖ.** LA BELETTE ET SON MARI.

Родила ласочка сына, потом позвала мужа и говорит;

– Поищи-ка мне любимые пелёнки и принеси сюда.

Муж выслушал жену и спросил:

– Какие такие пелёнки ты любишь?

А ласочка на это:

– Я хочу слоновую кожу.

Бедный муж остолбенел при таком требовании и спросил, не лишилась ли она случайно рассудка; вместо всякого ответа ласочка бросила ему на руки ребёнка и

ушла. Она отыскиала земляного червяка и сказала ему:

– Куманёк, моя землянка полна дёрну. Помоги-ка мне вскопать её.

Только что червяк обыскал землю, ласочка позвала курицу.

– Кумушка, – сказала она, – мой дёрн полон червяков; нам нужна ваша помощь.

Курица сейчас же побежала, скушала червяка и стала рыть землю.

Немного далее ласочка встретила кота:

– Куманёк, – сказала она, – на моей земле есть курицы; можете распорядиться на этот счёт в моё отсутствие.

Через минуту кот съел курицу.

Пока кот пировал себе таким образом, ласочка сказала собаке:

– Хозяин! Неужели вы позволите коту владеть этим поместьем?

Собака в бешенстве побежала задушить кота, так как она вовсе не хотела, чтоб в этой стране был кроме неё иной хозяин.

Около этих мест проходил лев. Ласочка почтительно поклонилась ему и сказала:

– Ваше величество! Не подходите к этому полю; оно принадлежит собаке.

После этих слов лев, полный зависти, бросился на собаку и сожрал её.

Дошла очередь и до слона. Ласочка просила его защиты против льва, и слон, как покровитель, вошёл на землю умолявшей его ласочки. Но он не знал её вероломства: она выкопала большую дыру и прикрыла её листьями. Слон упал в западню и при падении убился, а лев, боявшийся слона, убежал в лес.

Тогда ласочка содрала со слона кожу и, показывая её мужу, сказала:

– Я у тебя просила кожу слона. С Божьей помощью я достала и приношу её тебе.

Ласочкин муж не подозревал, что его жена была хитрее всех животных на земле; ещё меньше полагал он, чтоб барыня могла быть хитрее его. Он тогда это понял, и вот почему мы говорим теперь: он так же хитёр, как ласочка.

Тут и сказке конец.

Не одним только сказкам я научился у негров (negres), я скоро узнал способы их торговли, их взгляды, привычки, нравственность, пословицы и извлёк пользу из их мудрости.

Например, эти добрые люди, которые так же, как и я, не умеют ни читать, ни писать, умеют, как индейцы и арабы, оставлять предметы в памяти своих детей, заставляя их отгадывать загадки; между этими загад-

ками есть такие, которые по своей образовательности стоят другой толстой книги.



– Итак, – прибавил капитан, давая мне толчок по голове, что было большим выражением его дружбы, – отгадай-ка мне это:

– Скажи мне, кого я люблю, кто меня любит и кто всегда поступает по-моему?

– Твоя собака, капитан. Ты смотрел на неё, предлагая эту загадку.

– Bravo, матрос! Пойдём дальше.

– Скажи мне: кого ты любишь немного, кто тебя любит много и кто делает всегда по-твоему?

Небойсь, молчишь. Это твоя мать, мой маленький человек. Ты думаешь, что она не всегда делает по-твоему, опыт покажет, что она всегда забывает о себе, лишь только тебя дело коснётся.

– Скажи мне, кто та, которую отец твой любит сильно, которая его тоже любит сильно и заставляет его всё делать по-своему?

– Никогда, капитан, не заставишь папашу сделать то, чего он не хочет. Мамаша это повторяет каждый день, но моя сестра дурно воспитана и всегда смеётся, когда мамаша говорит об этом.

– То-то и дело, что твоя сестра отгадала, мой матрос. Ах! Если б я имел дочь. Я б её сильно принуждал, чтобы она командовала мной с раннего утра до позднего вечера.

– Ну, остаётся ещё загадка! Кого любишь или не любишь, кто тебя любит или не любит, но кто заставляет тебя всегда плясать по своей дудке?

– Я не знаю, капитан.

– Ну, так спроси-ка об этом сегодня вечером у твоего папаши! – сказал, посмеиваясь, капитан.

Я не оставил совета без внимания и за обедом рассказал всё то, чему научился днём; негритянские сказки очень понравились моей матери; загадки имели полный успех, но когда я дошёл до последней, мой отец начал смеяться.

– Это не трудно отгадать, мой мальчик, я тебе сейчас скажу.

После этих слов мать взглянула на отца; я не знаю, что прочёл он в её глазах, но только он не dokonчил.

– Скажи мне, папаша, я хочу знать.





– Если вы не замолчите, – сказала мне мать строгим тоном, – я вас отошлю в сад без десерта.

– А! – сказал отец.

Это "а" возвратило мне храбрость. Я ударил кулаком по столу; говори же наконец, папаша!

Мать сделала вид, что хочет встать, отец предупредил её, и через минуту я находился в саду, весь в слезах, с большим ломтем сухого хлеба в руках.

Вот каким образом я никогда не мог разгадать последнюю загадку. Если кто-нибудь искуснее меня, пусть отгадает, если нет – пусть отправляется в Сенегал. Быть может, жена портного разрешит вам то, чего я напрасно добивался от матери.

## **VI. ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КАПИТАНА.**

### **LE SECOND VOYAGE DU CAPITAINE JEAN.**

Беседы мои с неграми сделали из меня переводчика и маклера; капитан имел полную доверенность к моему усердию и, несмотря на мои молодые годы, я сам заключал условия со всеми купцами. Скоро груз был взят на хороших условиях, и когда я вернулся в Марсель, то, кроме своей доли, получил ещё богатый подарок от судовладельцев. Слава моя начиналась, и после нескольких путешествий в Средиземном море мне предложили отправиться на восток в качестве корабельного приказчика на самом изящном бриге. Мне не было ещё двадцати лет.

Кому я был обязан такому славному месту? Собственному труду. На каких бы судах я ни плавал, я везде знакомился с матросами всех наций: с греками, левантцами,

далматами, русскими, итальянцами и выучился, таким образом, языкам всех этих людей. В Чёрное море к устью Дуная послан был корабль за пшеницей. Нужен был человек, который бы умел бормотать на всех наречиях, и так как подвернулся под руку, пригласили меня, несмотря на то, что борода плохо ещё росла у меня на подбородке.

И вот я снова очутился на море, но на этот раз я занимался честной торговлей и был рабом только своего дома. Один Бог знает, как я трудился, защищал интересы судовладельцев. Когда мы пришли в Константинополь, я нашёл средство очень выгодно продать наш груз, состоящий из разных предметов, и мы ушли в Галац, имея с собой вдоволь испанских пиастров и банковых билетов. Когда мы вошли в Чёрное море, на нашем корабле было много пассажиров всевозможных наций и партий. Оригинальнейший между ними был один далмат. Каждый вечер сидел он на передней



части корабля с однострунной скрипкой, которую сербы называют гусями.



Он водил смычком по струне и на звучном и приятном языке пел грустным голосом песни своей родины. Вот песни, которые распевал он по вечерам при блеске звёзд и которые остались у меня в памяти:

## **ПЕСНЯ СОЛДАТА.** **LE CHANT DU SOLDAT.**

– Я молодой солдат всегда, всегда на чужбине. – Когда я оставил доброго отца, луна блестела на небе. – Блестит луна на небе, я слышу, как оплакивает меня отец. – Когда я оставил свою добрую мать, блестело солнце на небе. – Блестит солнце на небе, я слышу, как оплакивает меня мать. – Когда я оставил своих милых братьев, блестели звёзды на небе.

– Блещут звёзды на небе, я слышу, как меня оплакивают братья. – Когда я оставил милых сестёр, цвели пионы. – Опять цветут пионы, я слышу, как меня оплакивают сёстры. – Когда я оставил свою возлюбленную, лилии цвели в саду.

– Вот уж лилии в цвету. Я слышу, как меня оплакивает возлюбленная. – Надо, чтобы эти слёзы высохли, завтра я уйду

отсюда. – Я молодой солдат всегда, всегда на чужбине.

**ПЕСНЯ ЖЕНИХА.**  
LE CHANT DU FIANCE.

– Посмотри на эту птицу, посмотри на этого сокола, что подымается выше облаков. Если бы я мог поймать его и запереть в комнату. – Дорогая птица, сокол с красными перьями! Принеси мне весточку. – Ладно, но неприятную весточку передам я тебе. С другим обручилась твоя возлюбленная. – Слуга! Оседлай мне каурку; тоже хочу быть там. – Когда она вошла в церковь, она была ещё простой девушкой, теперь же, сидя на великолепной скамье, она стала большой барыней. Посмотри на луну, что подымается между двух маленьких звёздочек? Это моя возлюбленная между

двух невесток. Когда она пошла к венцу, я остановил её на дороге: "Милое дитя, отдай мне кольцо, которое я купил своей кровью. Теперь иди, иди, моё дитя... и не упрекай; да, это плачет моё бедное сердце, но не на тебя оно жалуется".

Чёрное море не особенно удобно для плавания. Я не раз пересекал оба океана, знаю их бури и гораздо меньше боюсь длинной океанской волны, разбивающейся о корабль, чем маленькой волны Чёрного моря, которые качают, утомляют корабль и вдруг раскрываются, словно пропасть. В продолжение двух суток мы были на краю гибели; никто не мог держаться на палубе, исключая далматинца, который привязал себя поясом к скамейке и, весь в воде, распевал себе свои родные песни.

– Господин далматинец, – сказал я ему в одну из тех минут, когда море и ветер позволили нам вздохнуть свободнее, – я ви-



жу, что вы храбрый человек и не боитесь кружения.

– Кто избегает своей участи? – отвечал он, пиля на гуслях. – Самое благоразумное покориться её воле.

– Вы говорите как турок. Христианин не может быть таким покорным.

– Разве нельзя быть христианином и покоряться божественной воле? Бог обещает нам только небо, если мы честные люди, но Он никогда не обещал нам здоровья, богатства, спасенья на море и прочих тленных вещей. Всё это предоставлено другой второстепенной силе, которая имеет только над землёй власть. Те, которые видели эту силу, зовут её Судьбой.

– Как, – закричал я, – те, которые её видели. Вы, значит, полагаете, что судьба существует?

– Отчего же и нет? – хладнокровно отвечал далматинец. – Если вы не верите, вы-

слушайте-ка – одну историю. Главные её герои по сю пору живут в Каттаро – это мои двоюродные братья, которых я покажу вам, когда вы возвратитесь.



## VII. СУДЬБА.

### LE DESTIN.

Два брата владели вместе одним хозяйством; один делал всё, а другой – лентяй – только и знал, что ел да пил. Урожаи всегда были отличные; а быков, лошадей, овец, свиней, пчёл и прочего было изобилии.

Старший, который всё делал, сказал однажды себе: к чему работать для этого лентяя? Лучше нам разделиться; я буду работать сам для себя, а он пусть делает как хочет, И он сказал брату:

– Брат! Ведь это несправедливо, что я занимаюсь всем, а ты ни в чём не хочешь помочь мне, а только и думаешь, что как бы поесть да выпить. Нам надо разделиться.

Брат пробовал было отклонить его от этого предложения, говоря ему:

– Брат, не делай этого, нам ведь так хорошо! У тебя ведь всё в руках: моё и твоё, и ты знаешь, что я всегда доволен твоими приказаниями и распоряжениями.

Но старший упорствовал, так что младший уступил и сказал ему:

– Ну, коли так, дели (делай) как знаешь.

Когда разделились, каждый получил свою долю. Лентяй сейчас же назначил пастуха к быкам, табунщика к лошадям, пастуха к овцам, пастуха к козам, свинопаса к свиньям, пчельника к пчёлам и сказал им всем:

– Я вам поручаю моё добро, да хранит вас Господь!

И по-прежнему беззаботно жил он в своём доме.

Старший, напротив, заботился о своей части так же усердно, как и прежде об общем хозяйстве. Он сам сторожил свои ста-



да, имел над всем зоркий глаз, но, несмотря на то, он во всём имел плохой успех и убыток. С каждым днём дела всё шли хуже и хуже, так что в один день он дошёл до того, что не имел пары опанок и принуждён был идти на босу ногу. Тогда он сказал себе:

– Пойду-ка я к брату, посмотрю, как идут его дела.

Дорога шла через луг, на котором паслось стадо овец; подойдя к ним, он увидел, что у овец совсем нет пастуха и только у стада сидела красивая молодая девушка и сучила золотую нитку.

Приветствовав молодую девушку словами: "Бог тебе в помощь", – он спросил, чьё это стадо. На что она отвечала:

– Кому принадлежу я, тому принадлежат и овцы.

– А кто ты такая?

– Я счастье твоего брата.

После этих слов его взяла злоба и зависть, и он крикнул:

– А где же моё счастье?

– Оно очень далеко от тебя.

– Могу ли я его найти? – спросил он.

– Можешь, ищи его, – отвечала она.

Когда он услышал эти слова и увидел, что братнины овцы так хороши, что лучше трудно себе и вообразить, он не хотел идти далее смотреть другие стада, а прямо дошёл к брату. Только что брат его заметил, он пожалел брата и, заливаясь слезами, спросил:

– Где ты пропадал всё это время?

И заметив, – что он в рубище и на босу ногу, брат дал ему пару опанков (3) и – несколько денег (монет).

Три дня погостил он у младшего брата и возвратился домой; вернувшись домой, он вскинул на плечи мешок, положил в него кусок хлеба, взял в руки палку и пошёл по свету искать себе счастья.

Через несколько времени он очутился в большом лесу и увидал безобразную старуху, которая спала под кустарником. Он стал палкой рыть землю и, желая разбудить старуху, хватил её по спине. Старуха проснулась с большим трудом и, полуоткрыв свои гнойные глаза, сказала:

– Благодаря Богу, что я заснула; иначе не иметь бы тебе опанков.

– Кто же ты такая, ты, желавшая помешать мне иметь опанки? – спросил он.

А старуха сказала на это:

– Я твоё счастье!

После этих слов он ударил себя в грудь и закричал:





– Так это ты моё счастье? Погуби тебя Господь! Кто же тебя послал мне?

И старуха ответила:

– Судьба.

– А где судьба?

– Иди и ищи её, – сказала она и снова заснула.

Тогда он ушёл и пошёл искать судьбу.

После долгой, очень долгой дороги он наконец пришёл в лес. В этом лесу он нашёл пустынника и спросил у него, не имеет ли он каких-либо сведений о судьбе. Пустынник отвечал:

– Ступай на гору и ты прямо придёшь к замку. Но когда ты будешь около судьбы, не думай говорить с ней; делай только всё, что она будет делать, и молчи до тех пор, пока она сама тебя не спросит.



Путник поблагодарил отшельника и пошёл по дороге на гору, и когда он пришёл к замку судьбы, то он увидел диковинные вещи. В нём была королевская роскошь, вечно в движении целая толпа лакеев и горничных, которые ровно ничего не дела-



ли. Сама судьба сидела за столом и ужина-  
ла. Путешественник тоже сел за стол и  
ужинал вместе с хозяйкой. После ужина  
судьба легла спать; то же сделал и наш  
путник. К полуночи вдруг сделался ужас-  
ный шум, и среди этого шума слышался го-  
лос, который кричал:

– Судьба, судьба! Сегодня столько-то  
душ явилось на свет. Дай-ка им что-нибудь  
по своей доброй воле!

Судьба поднялась, открыла золотой сун-  
дук и, разбрасывая по комнате блестящие  
червонцы, приговаривала:

– Какова я сегодня, такими вы будете на  
всю жизнь!

С рассветом красивый замок исчез, и на  
его месте появился обыкновенный хоро-  
ший дом. Когда наступил вечер, судьба се-  
ла ужинать; гость её то же самое; никто не  
выронил ни слова, После ужина оба пошли  
спать, Около полуночи снова в доме начал-

ся ужасный шум, и среди этого шума слы-  
шался голос:

– Судьба, судьба! Сегодня столько-то  
душ явилось на свет Божий. Дай-ка им что-  
нибудь по своей доброй воле.

Судьба поднялась, открыла серебряный  
сундук, но теперь в нём были не одни чер-  
вонцы, но и серебряные монеты, между ко-  
торыми изредка попадались и золотые.  
Судьба разбросала серебро по комнате и  
проговорила:

– Какова я сегодня, такими же вы будете  
на всю жизнь!

С рассветом дом исчез, и на его месте  
появился домик гораздо меньше. Так про-  
должалось несколько ночей кряду. С каж-  
дой ночью дом уменьшался, и наконец  
вместо дома появилась дрянная хижина.  
Судьба взяла заступ и принялась копать  
землю; гость делал то же самое, и они оба  
копали целый день. Когда наступил вечер,  
судьба взяла ломоть сухого хлеба дала по-



ловину своему товарищу. Это был весь их ужин. Съевши хлеб, они легли спать.



Около полуночи снова начался ужасный шум, и среди этого шума раздавался голос:

– Судьба, судьба! Столько-то душ явилось сегодня на свет. Дай-ка им что-нибудь по своей доброй воле!

Судьба поднялась, открыла сундук и, разбрасывая простые камни, между которыми попадалось несколько мелкой монеты, приговаривала:

– Какова я сегодня, такими вы будете на всю жизнь!

С рассветом снова исчезла хижина, и на её месте появился блестящий дворец, какой был в первый день. Тогда впервые заговорила судьба и спросила своего гостя:

– Зачем ты пришёл?

Гость в подробности рассказал, как одолела его нищета и как он сам пришёл к

судьбе спросить, зачем она дала ему такое дрянное счастье, Судьба отвечала на это:

– Ты видел, как я в первую ночь бросала червонцы и что затем следовало. Какова я в ночь рождения человека, таков будет человек на всю жизнь. Ты родился в ночь нищеты, и ты на всю жизнь останешься бедным, Твой брат, напротив, родился в счастливую ночь, и он будет счастлив до конца. Но так как ты столько хлопотал, желая меня видеть, я скажу тебе, чем могу помочь, У твоего брата есть дочь Милиза, которая так же счастлива, как и отец. Женись на ней, как вернёшься домой, и, что бы ты потом ни приобрёл, говори всегда, что это принадлежит твоей жене.

Гость поблагодарил несколько раз судьбу и пошёл домой. Когда он вернулся в свою страну, он пошёл прямо к брату и сказал:

– Брат! Отдай мне Милизу. Без неё я одинок на свете.

И брат отвечал:

– Это мне на руку, Милиза твоя.

Молодой муж взял к себе в дом дочь брата и скоро стал богатым. Но он всегда говорил:

– Всё, что у меня есть, принадлежит Милизе.

Однажды он пошёл в поле посмотреть на хлеба, которые были так хороши, что трудно было найти лучше. В это время проходил путешественник и спросил:

– Чьи это хлеба?

И он, не подумав, ответил:

– Мои.

Но только что он произнёс эти слова, как хлеба загорелись. Он сейчас же побежал за путешественником и закричал ему:

– Остановись, брат. Это не мои хлеба; они принадлежат Милизе, дочери моего брата.

– Господин далматинец, – сказал я рассказчику. – Хоть ваша сказка и недурна, но она отзывается чем-то турецким. В нашей стране – другие идеи. Мы не верим в удачу; а верим в самих себя и больше надеемся на наш ум, чем на наши руки, на осторожность больше, чем на смелость.

– Так же поступают и у нас, – отвечал далматинец, поправляя свою кожаную шапку, которая лезла ему на глаза. Послушайте-ка, что случилось в прошлом году с одним моим соседом.

## **VIII. ПЕРВЫЙ БЛАГОРАЗУМНЫЙ ЧЕЛОВЕК.**

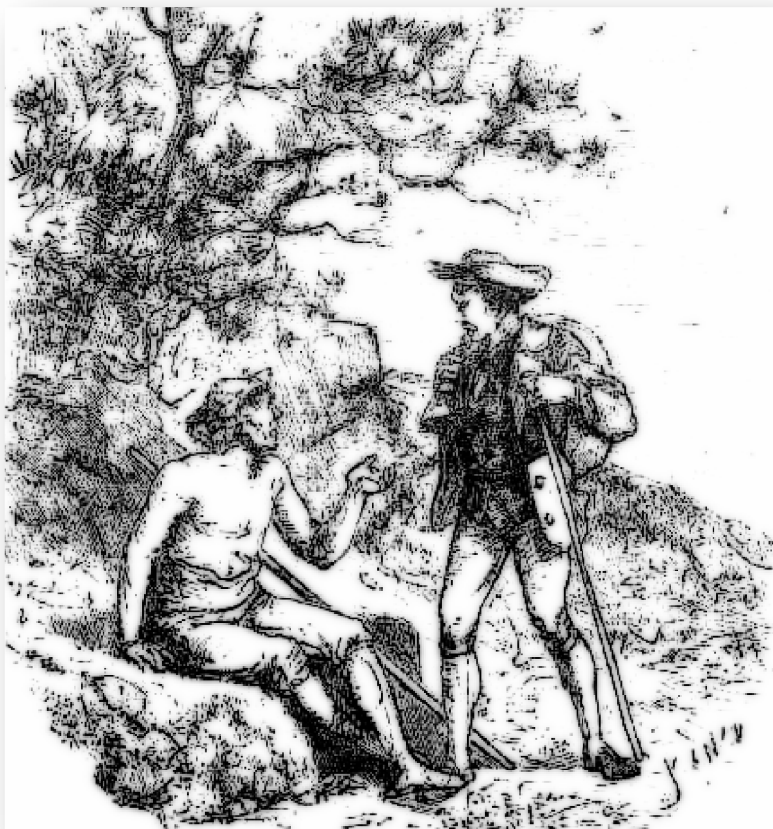
LE FERMIER PRUDENT.

Около Рагузы жил фермер, занимавшийся тоже торговлей. Однажды он уехал в город и, думая сделать некоторые покупки, взял с собой все свои деньги. На перекрёстке он встретил старика и спросил его, по какой дороге идти.

– Я тебе скажу, если ты мне дашь сто червонцев, – отвечал незнакомец. За меньшую сумму я не говорю. Каждый мой совет стоит сто червонцев.

– Чёрт возьми! – подумал фермер, взглянув на лисью физиономию незнакомца: – Какой это такой совет может стоить сто червонцев? Это должно быть нечто чрезвычайное, потому что обыкновенно нам за даром дают советы, которые, впрочем, го-

вора по правде, большего и не стоят. – Ну хорошо! – сказал он старику. – Говори, вот тебе сто червонцев.



– Слушай же, – начал незнакомец, – Вот эта дорога, что идёт прямо, – это сегодняшняя дорога, и вон та, что заворачивается, то завтрашняя дорога. У меня есть ещё совет для тебя, но он стоит сто червонцев.

Фермер долго раздумывал, наконец решился.

– Уж коли я заплатил за один совет, надо заплатить и за другой, – подумал он и дал ещё сто червонцев.

– Слушай же, – сказал незнакомец, – Когда ты будешь в дороге и остановишься в гостинице, где хозяин стар и вино молодо, уезжай оттуда как можно скорей, если не желаешь, чтоб с тобой приключилось несчастье. Дай-ка мне ещё сто червонцев, – прибавил старик. – Мне нужно тебе сказать ещё кое-что.

Фермер стал размышлять.

– Какой же ещё будет совет? Впрочем, уж если я купил два совета, надо купить и третий!

И он отдал последнюю сотню червонцев.

– Слушай же, – сказал незнакомец. – Если ты когда-нибудь рассердишься, побереги половину твоего гнева на завтра. Не трать его разом.

Фермер вернулся домой с пустыми руками.

– Что ты купил? – спросила жена.

– Ничего, исключая трёх советов по сто червонцев за каждый, – отвечал фермер.

– Отлично! Мотай денежки, кидай их, по своему обыкновению, на ветер!

– Моя милая жена, – ласково сказал фермер. – Я не жалею денег. Послушай-ка, какие я купил советы.

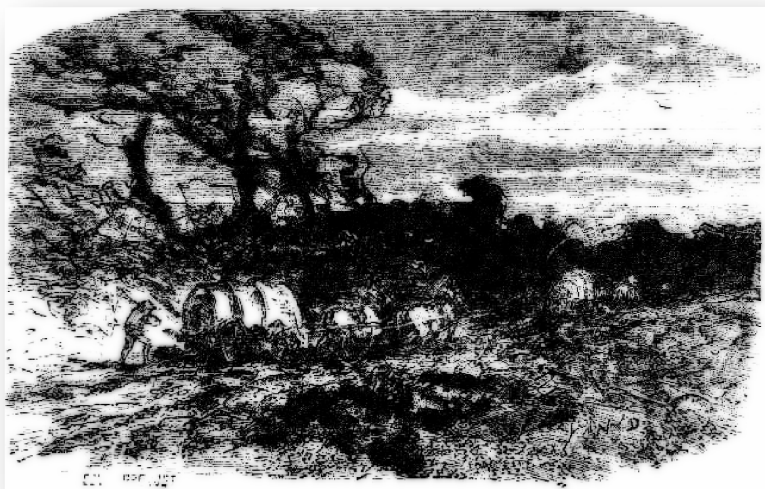
И он рассказал всё, что ему сказал старик. После этого жена пожала плечами, и назвала его дураком, который разоряет дом и оставляет детей нищими.

Несколько времени спустя один купец остановился перед домом фермера с двумя повозками, полными товаров. Он потерял по дороге своего сотоварища и предлагал фермеру пятьдесят червонцев, если только он возьмётся ехать вместе в город и доставить одну из повозок.

– Надеюсь, – сказала жена мужу, – что ты не откажешься и что хоть этот раз ты что-нибудь да наживёшь.

Поехали. Купец провожал первую повозку, фермер – другую. Погода была дурная, дорога скверная, так что наши путники подвигались с трудом. Наконец подъехали к двум дорогам, и купец спросил, какую бы дорогу выбрать.





– Завтрашнюю, – отвечал фермер. – Она длиннее, но зато верней.

Купец же хотел ехать по сегодняшней дороге.

– Хоть бы вы мне дали сто червонцев, я не поеду по этой дороге.

Тогда они разлучились. Фермер, выбравший длиннейший путь, тем не менее приехал раньше купца с целой повозкой. Купец приехал только к ночи; его повозка

упала в болото, вся кладь попортилась, и сверх того, сам хозяин ушибся.

Остановились в первой гостинице. Хозяин её был стар, и ветвь пихты, вместо вывески, доказывала, что в харчевне дёшево продаётся молодое вино. Купец хотел на ночь остаться в этом трактире.

– Я не соглашусь, хоть бы вы мне дали сто червонцев! – сказал фермер.

И быстро ушёл, оставив товарища.

К вечеру несколько молодых празднующихся людей, чересчур напившись молодого вина, заспорили из-за каких-то пустяков. Дело дошло до ножей. Старый трактирщик не имел силы ни разнять, ни помирить дерущихся. Один из них был убит, и так как опасались суда, то спрятали мертвеца в повозку купца.

Купец отлично спал и ничего не слышал. Рано утром он встал и пошёл запрягать лошадей. Испуганный, что нашёл в телеге

мёртвое тело, купец хотел было поскорей уехать, чтобы не быть замешанным в неприятном деле, но он не принял во внимание австрийской полиции. За ним погнались и, в ожидании, что правосудие раскроет это дело, моего купца бросили в тюрьму и конфисковали всё его имущество.

Когда фермер узнал, что случилось с его товарищем, ему захотелось сохранить хоть свою повозку, и он поехал домой. Приблизившись к своему саду в сумерки, он заметил, что на сливе сидит красивый молодой солдат и хладнокровно себе собирает чужое добро. Фермер зарядил было ружьё, чтобы убить вора, но раздумал.

– Я заплатил сто червонцев, – подумал он, – за совет не тратить в один день своего гнева. Подождём до завтра. Верно, вор возвратится.

И он сделал поворот, чтобы подъехать к дому с другой стороны. Только что он по-

стучал в дверь, как к нему на шею кинулся молодой солдат и сказал:

– Мой батюшка! Я воспользовался отпуском, чтоб сделать вам сюрприз и обнять вас.

Тогда фермер сказал жене:

– Слушай же, что со мной случилось, и скажи, дорого ли я заплатил за три совета.

И он рассказал всю историю. Так как, не смотря на всё, бедняка купца повесили, фермер очутился наследником телеги этого неблагоразумного человека. Сделавшись богатым, он всегда говорил, что хорошему совету нет цены, и в первый раз в жизни фермерша была одинакового с ним мнения.

## **IX. ТРИ ИСТОРИИ ДАЛМАТИНЦА.**

LES TROIS HISTOIRES DU DALMATE.

– Господин далматинец, – сказал я, когда он окончил. – Ваша история, без сомнения, хороша, но ведь не судьба осчастливила этого мудрого фермера, а ум и расчёт. Ваш второй рассказ уничтожает первый и, слава Богу, так как было бы очень грустно, если бы ленивцы составляли себе состояние, а трудящиеся люди сеяли бы зёрна и собирали бы вместо хлеба ветер.

– Иногда и лентяи успевают! – важно ответил он мне, – Я знаю один пример, – который могу вам рассказать.

– Значит, у вас есть сказки на все случаи? – спросил я.

– В сказках и песнях вся жизнь! – холодно отвечал далматинец.

## **ЛЕНИВИЦА.**

LA PARESSEUSE

У одной матери была дочь большая – ленивица, не любившая никакой работы. Однажды мать потащила свою дочь в лес, неподалёку от – перекрёстка, и – принялась её бить изо всех сил. Около этого места случайно проходил барин и спросил: за что такое суровое наказание?

– А за то, мой добрый барин, – отвечала мать, – что моя дочь неутомимая работница. Она прядёт всё, что ни попадёт ей под руку, не исключая и мха, что ползёт по стенам.

– Отдайте её мне, – сказал барин, – я ей найду пряжи вволюшку.

– Возьмите её, – сказала мать, – мне больше не нужно.

И барин повёл её домой, довольный своим отличным приобретением.

В тот же вечер он посадил молодую девушку одну в комнату, где стояла большая бочка, полная пеньки. В большом горе осталась молодая девушка.

– Как быть? Я не хочу прясть, я не умею прясть!

Но вдруг к ночи постучались три колдуньи, и девушка очень скоро ихпустила.

– Если ты пригласишь нас на свадьбу, – сказали они, – мы поможем тебе спрясть.

– Прядите, прядите! – быстро ответила девушка. – Я вас приглашаю на свадьбу.

И вот три колдуньи стали прясть и спряли всё, что было в бочке, А девушка спала себе на досуге.

Поутру вошёл барин и увидал спящую девушку и стену, всю увешанную нитками. Он на цыпочках вышел из комнаты и при-

казал никому не входить, пока пряха не отдохнёт после такой большой работы. Это, однако же, не помешало ему принести другую бочку с пенькой, но опять пришли колдуньи, и всё случилось, как и в прошлую ночь.

Барин был восхищён, и так как в доме нечего было больше прясть, он сказал молодой девушке;

– Я хочу на тебе жениться, потому что ты царица прях.

Накануне свадьбы мнимая пряха сказала мужу:

– Я приглажу на свадьбу своих тёток.

И барин отвечал, что будет очень рад.

Когда явились колдуньи, то сели вокруг огня. Они были ужасны. Увидав всё их безобразие, барин сказал невесте:

– Твои тётки не очень-то красивы!





Потом он подошёл к одной из колдуний и спросил: отчего у ней (неё) такой длинный нос?

– Дорогой племянничек, – отвечала она, – это от пряжи. Когда целый день прядёшь и целый день качаешь головой, нос мало-помалу удлиняется.

Барин подошёл ко второй и спросил: отчего у неё такие толстые губы?

– Дорогой племянничек, – отвечала она, – это от пряжи. Когда вечно прядёшь и вечно держишь во рту нитку, губы мало-помалу увеличиваются.

Тогда он спросил третью: отчего она горбатая?

– Дорогой племянничек, – отвечала она, – это от пряжи. Когда сидишь согнувшись целый день, спина мало-помалу сгибается.



Тогда барин очень испугался, чтобы от пряжи и жена его не стала такой ужасной, как эти три тётки. Он бросил в огонь веретено и прялку. Рассердилась ли на это ленивица – предоставляю угадать тем, кто похож на неё.

– Сказка кончена! – прибавил далматинец.

– С удовольствием вижу, – сказал я моему далматинцу, – что женщины вашей страны успевают без ума и без труда.

– Вовсе нет! – воскликнул неутомимый рассказчик. – Нет ни одной страны в мире, где были бы такие хитрые и умные женщины, как у нас. Знаете ли вы, как дочь нищего вышла замуж за германского императора и, несмотря на его высокое звание, она оказалась гораздо умнее и лучше его?

– Ещё сказка? – крикнул я.

– Вовсе не сказка, – перебил он, – а целая история. Вы её найдёте во всех книгах, говорящих правду.

## **О ДЕВУШКЕ, КОТОРАЯ БЫЛА УМНЕЕ ИМПЕРАТОРА.**

DE LA DEMOISELLE QUI ETAIT PLUS  
AVISEE QUE L'EMPEREUR.

Жил в старину один бедняк, у которого дочь была большая разумница. Она повсюду ходила за милостыней и учила отца, как говорить и доставать всё, что требуется. Однажды случилось, что бедняк дошёл до самого императора и попросил дать ему что-нибудь.

Император удивился, что нищий говорит таким манером, и спросил бедняка, кто он такой и кто научил его так выражаться.

– Дочка! – отвечал нищий.

– А кто выучил дочку? – спросил император.

– Бог и нищета выучили дочку! – ответил бедный человек.

Император дал ему тридцать яиц и сказал:

– Снеси эти яйца дочке и скажи ей, чтобы она высидела цыплят; если она не высидит, ей придётся худо.

Весь в слезах вернулся бедняк в избушку и рассказал обо всём дочери. Дочь сейчас же увидела, что яйца были варёные; она послала отца отдохнуть и сказала, что сама обо всём позаботится.

Отец послушал доброго совета и залёг спать, а дочка взяла горшок, наполнила его водой и бобами и поставила на огонь. Наутро, когда бобы сварились, она позвала отца, велела ему взять быков и соху и пахать у дороги, по которой должен был проходить император.

– И когда ты увидишь императора, – прибавила она, – возьми бобы, сей их и приговаривай погромче: ну-ка, бычки, по-



ворачивайтесь! Помоги мне, Бог, взрастить варёные бобы.



– И если император спросит: возможно ли, чтоб выросли варёные бобы, ответить ему: это так же легко, как цыплёнку вылупиться из варёного яйца.

Бедняк сделал всё так, как хотела дочка, Он вышел, стал пахать и, когда заметил императора, то закричал:

– Ну-ка, бычки, поворачивайтесь! Помоги мне, Бог, взрастить варёные бобы!

Только что услышал император эти слова, как сейчас же остановился у дороги и сказал:

– Дурак! Возможно ли, чтоб выросли варёные бобы?

– Милостивый император! Это так же легко, как цыплёнку вылупиться из варёного яйца.

Император догадался, что штуку эту придумала дочка. Он приказал своим лакеям взять бедняка и привести к нему; тогда он отдал бедняку маленький комочек земли и сказал:

– Возьми и сделай мне из этого паруса снасти, словом, всё корабельное вооруже-

ние. Если не сделаешь, я прикажу отрубить тебе голову.

Бедняк в большом испуге взял комочек земли, весь в слезах вернулся к дочери и рассказал обо всём; дочка посоветовала отцу лечь спать и обещала сама всё уладить. Наутро она взяла крохотный кусочек дерева, разбудила отца и сказала:

– Возьми-ка эту спичку и отнеси императору; пусть он вырежет мне из неё веретено, станок и челнок; после этого и я сделаю то, что приказано.

Бедняк ещё раз послушался совета дочери. Он пошёл к императору и сказал так, как его научили.

Император удивился, услышав ответ, и стал ломать голову, что бы ему теперь придумать; наконец он взял стакан и, отдавая его бедняку, сказал:

– Возьми стакан, отнеси его дочери и прикажи ей вычерпать всё море и сделать из него пахотное поле.

Бедняк послушался, заливаясь слезами, и передал императорскую речь от слова до слова. Дочь попросила отца подождать до завтра, заметив, что сама устроит это дело. Наутро она позвала отца, дала ему фунт пакли и сказала:

– Отнеси-ка паклю императору и скажи ему, пусть он затянет все источники и устья всех рек на земле. После этого я высушу море.

И бедняга передал дочкины слова императору.

Император увидал тогда, что дочка ничего не знает больше его самого. Он приказал привести её, и когда отец привёл дочь и оба они поклонились, император спросил:

– Моя дочь! Отгадай-ка, что слышится дальше всего?

И девушка на это ответила:

– Милостивый император! Дальше всего слышится гром и ложь.

Тут император взял свою бороду в руки и обратился к своим советникам.

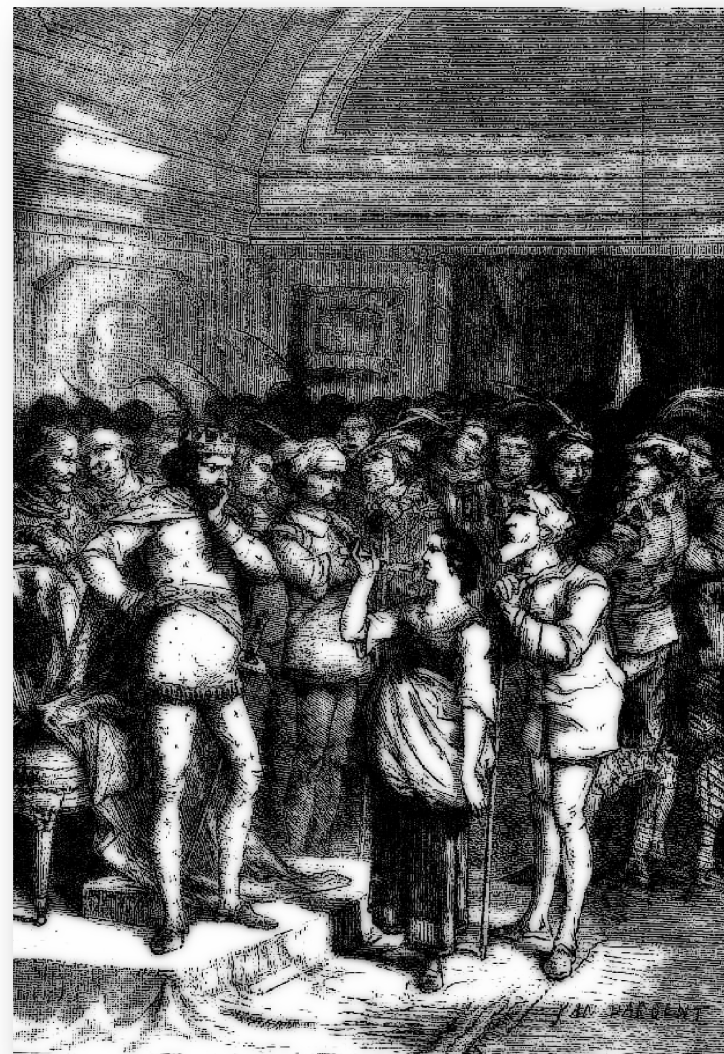
– Отгадайте, – заметил он, – чего стоит моя борода?

Все придворные оценили императорскую бороду: одни более, другие менее. Тогда девушка объявила, что никто не отгадал настоящей цены, и сказала:

– Борода императора стоит трёх дождей в летнюю засуху.

Император был восхищён и заметил:

– Она лучше всех отгадала!





Он спросил у неё, согласна ли она быть его женой, и прибавил, что не отпустит её, пока она не даст согласия.

Девушка поклонилась и сказала:

– Да будет воля твоя, милостивый государь! Я только прошу одного: ты должен собственноручно написать на листке бумаги расписку в том, что если ты станешь относительно меня недобрым и захочешь удалить от себя и выслать из этого замка, – я буду иметь право увезти отсюда то, что больше всего люблю.

Император согласился и дал ей расписку, запечатанную красным сургучом за большой императорской печатью.

Действительно через несколько времени император так невзлюбил жену, что сказал ей однажды:

– Я не хочу больше, чтобы ты была моей женой. Оставь мой дворец и иди куда знаешь.

А императрица ответила:

– Я повинуюсь, но только позволь мне остаться здесь одну ночь. Завтра я уеду.

Император согласился на эту просьбу. Перед ужином императрица подмешала в вино водки и душистых трав. Пригласив императора выпить, она сказала:

– Пей, император, и будь весел; завтра, мы расстанемся; доверь мне, я буду веселее, чем была в день моей свадьбы.

Не успел ещё император выпить напитка, как заснул; тогда императрица велела посадить его в карету, которая была наготове, и привезла его в пещеру, образовавшуюся в скале. Когда император проснулся в этом гроте и увидал, где он находится, то закричал:

– Кто меня сюда привёз?

Императрица ответила:



– Это я привезла тебя сюда.

А император на это:

– К чему ты это сделала? Разве я не сказал, что ты мне более не жена!

Тогда она подала ему бумагу:

– Твоя правда, ты мне сказал это, – заметила она. – Но видишь ли, что ты мне обещал своим обязательством. Оставляя тебя, я имею право увезти с собой то, что я больше всего люблю в замке.

Когда император услышал эти слова, он обнял свою жену и вернулся вместе с ней в замок с тем, чтобы больше никогда не разлучаться с женой.

– Превосходно! – сказал я рассказчику. – Я беру назад то, что я сказал о далматских женщинах. Я вижу только, что и на берегу Адриатического моря так же, как в Сенегале и, быть может, в других местностях, женщины – настоящие хозяйки в доме. Это вовсе не зло! Счастливы те, которые держат в руках эту нежную власть! Ещё более



счастливы те, которые находятся под этой властью!

– Вовсе нет, – возразил мой далматинец, всегда готовый дать мне опровержение. – У нас мужчины – главы в доме. Мы обедаем за столом одни, а наши женщины нам прислуживают, стоя сзади.

– Это ничего не доказывает, – отвечал я.  
– Не один человек, будь он женат или холост, слушается того, кто ему служит. Не всегда раб тот, кто носит цепи.

– Если вам надо доказательство, – крикнул мой неисправимый далматинец, – послушайте-ка то, что рассказывал мой отец. Я всегда подозревал, что превосходный человек был сам героем этой истории.

– Ещё сказка? – заметил я с нетерпением.

– Последняя и лучшая! – сказал он.

– Вот уж устья Дуная у нас на виду; завтра мы расстанемся и никогда здесь, на земле, не увидимся. Слушайте же терпеливо последний урок.

## ЯЗЫК ЖИВОТНЫХ. LE LANGUAGE DES ANIMAUX.

Жил однажды пастух, который в течение многих лет верно и усердно служил своему барину. Как-то раз, когда он пас баранов, из лесу донеслось до него какое-то шипение. Не зная, что случилось, он вошёл в лес и пошёл на шум, желая узнать его причину. Приблизившись, он увидел, что горели сухая трава и листья, и среди места, охваченного огнём, заметил шипящую змею. Пастух остановился поглядеть, что сделает змея, так как вокруг всё горело и огонь приближался к ней ближе и ближе.

Как только заметила змея пастуха, то крикнула:

– Бога ради, пастух, спаси меня от этого огня!



Пастух протянул ей над пламенем палку, и змея обвилась вокруг неё, поднялась до

руки пастуха, а с руки проскользнула на шею и обвилась вокруг шеи, словно ожерелье. Заметив змею у себя на шее, пастух испугался и сказал змее:

– Чтоб тебе провалиться. Разве я спас тебя на свою шею?

Змея ответила:

– Не бойся ничего и неси меня к моему отцу, змеиному королю.

Пастух стал было извиняться, объясняя; что он не может оставить овец без сторожа, но змея сказала ему:

– Не беспокойся о стаде, с ним ничего не случится дурного. Только ступай как можно скорее.

Пастух со змеей на шее бежал по лесу до тех пор, пока добежал до двери, сделанной из переплетённых между собой ужей. Змея зашипела, и сейчас же ужи расплелись. Тогда змея сказала пастуху:

– Когда мы будем во дворце, отец тебе даст всё, что ты пожелаешь: серебра, золота, дорогих камней, словом, всё, что есть драгоценного на земле. Не бери ничего этого. Попроси у него способности понимать язык животных. Он долго будет тебе отказывать в этой награде, но под конец он уступит.

Разговаривая, они вошли в замок, и отец змеи сказал, заливаясь слезами:

– Скажи, Бога ради, где ты была, моё дитя?

Змея рассказала, как была окружена огнём и как её спас пастух. Тогда змеиный король обратился к пастуху и спросил:

– Что дать тебе за спасение моего ребёнка?

– Выучи меня языку животных, – отвечал пастух, – Я хочу, как и псы, разговаривать со всей землёй.



Тогда король заметил:

– Это для тебя не годится, потому что, выучившись языку животных, ты никогда не должен проговориться кому-нибудь, что знаешь этот язык; а если проговоришься, то сейчас умрёшь. Спроси у меня что-нибудь другое, что тебе лучше послужит, – я тебе всё дам.

Но пастух отвечал:

– Если ты меня хочешь отблагодарить – выучи меня языку животных, а не хочешь, так прощай, и да благословит тебя небо. Я не хочу ничего другого.

И пастух собрался уйти. Тогда король позвал его и сказал:

– Остановись и подойди сюда, так как уж тебе очень хочется иметь этот подарок. Открой-ка рот!

Пастух открыл рот, и змеиный царь дунул туда.

– Теперь подуй в свою очередь и мне в рот.

Когда пастух исполнил приказание, змеиный король опять дунул пастуху в рот. Так они подули друг другу в рот до трёх раз. Тогда король сказал:

– Теперь ты понимаешь язык животных, да хранит тебя Бог. Но помни, если ты бережёшь жизнь, берегись когда-нибудь открыть секрет. Если ты кому-нибудь его расскажешь, то в ту же минуту умрёшь.

Пастух пошёл домой. Проходя по лесу, – он слышал, что говорили птицы, о чём рассуждала трава и всё, что есть на земле.

Вернувшись к стаду и найдя его здоровым и невредимым, он лёг на землю заснуть. Только что успел он растянуться, как на дерево сели две вороны и заговорили на своём языке:



– Если б этот пастух да знал, что на том месте, где стоит чёрный ягнёнок, есть погреб, полный серебра и золота!

Только что пастух услышал эти слова, он пошёл за хозяином и телегой. Они стали копать и скоро нашли дверь погреба и достали клад.

Хозяин был честный человек, он не воспользовался кладом и сказал пастуху:

– Этот клад принадлежит тебе, сын мой, потому что Бог тебе его дал.

Пастух взял клад, выстроил дом и, женившись, зажил весело: скоро он стал богаче не только своей деревни, но и всего околотка. На десять вёрст кругом не было такого богача. Он имел стада овец, быков и лошадей, и у каждого стада было по пастуху. Кроме того, у него были земли и большие богатства. Однажды – именно накануне Рождества – он сказал своей жене:

– Приготовь-ка вино, водку и всё что надо; завтра мы поедem на ферму и повезём всё это пастухам. Надо им повеселиться.

Жена исполнила приказание и приготовила всё, что приказали. На следующий день, когда они были на ферме, хозяин сказал вечером пастухам:

– Соберитесь, мои друзья, вместе, ешьте, пейте, веселитесь. Вместо вас я присмотрю эту ночь за стадами.

Он сделал, как сказал, и сторожил стада.

В полночь завыли волки и залаяли собаки; волки говорили на своём языке:

– Позвольте нам прийти и наделать беды; и на вас хватит говядинки!

А собаки отвечали на своём языке:

– Приходите, мы не прочь хоть раз хорошо полакомиться.

Но между собаками был старый пёс, у которого в глотке оставалось всего два клыка. Он сказал волкам:

– Пока ещё у меня осталось два клыка, вы не сделаете вреда моему хозяину.

Хозяин всё это слышал и понял весь разговор. Утром он приказал убить всех собак, за исключением старого пса. Удивились пастухи и сказали:

– Это очень жаль, господин.

Но хозяин отвечал:

– Делайте, как я вам говорю!

Он собрался вернуться домой вместе с женою, и оба поехали, муж верхом на красивой серой лошади, а жена на иноходце, которого она закрыла длинными складками своего платья. Случилось так, что во время дороги муж был впереди, а жена сзади. Лошадь повернулась и сказала кобыле:

– Вперёд! Поскорей! К чему отставать?

А кобыла на это:

– Тебе легко. Ты везёшь одного хозяина, а я с моей хозяйкой везу браслеты, ожерелья, юбки, юбочки, ключи, мешки – словом, всего и не сосчитаешь. Надо четырёх быков, чтоб тащить эту женскую сбрую.

Муж обернулся и засмеялся: жена заметила это, погнала свою кобылу и, догнав мужа, спросила, отчего он смеялся.

– Да так, не из-за чего; просто глупость пришла в голову.

Жена не находила ответ хорошим; она упрашивала мужа сказать, отчего он смеялся. Но муж не хотел сказать и заметил:

– Оставь меня в покое, жена! Ну, что тебе из этого, Господи! Да я сам не знаю, отчего я смеялся!

Но чем больше он защищался, тем больше она настаивала, желая узнать причину его весёлости. Наконец он сказал ей:

– Знай же, что если я открою тебе причину моего смеха, я в ту же минуту умру.

Это не остановило женщину. Она ещё более стала приставать к нему, чтобы он сказал.

Они приехали домой. Сойдя с лошади, муж приказал приготовить себе гроб; когда гроб был готов, он положил его перед домом и сказал жене:

– Смотри же, я войду в гроб и скажу тебе, что меня рассмешило; но только что я скажу, я буду мёртвым.

Он лёг в гроб и, бросив кругом последний взгляд, заметил старого пса, который подбежал к своему господину и плакал.

Когда хозяин заметил слёзы у собаки, позвал жену и сказал:

– Принеси-ка кусок хлеба и дай его собаке.





Жена бросила кусок хлеба, но собака даже не посмотрела на него. Подбежал петух и стал клевать хлеб; собака тогда заметила:

– Дрянной обжора! Можешь ли ты есть в то время, когда хозяин готовится умереть?

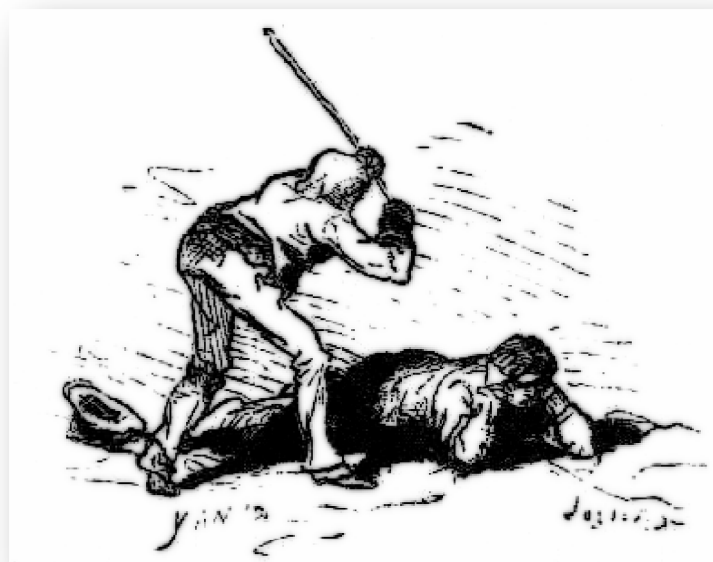
А петух на это:

– Пусть умирает, коли он такой дурак! У меня сто жён, я их всех зову, когда нахожу хоть одно зерно; но только что они приходят, я же его съедаю. Если б нашлась хоть одна жена, которая бы нашла, что это дурно, я бы исправил её своим клювом; а он

имеет всего одну жену и ту не умеет научить уму-разуму.

Услыхав петушьи слова, муж тотчас же выскакивает из гроба, берёт палку и зовёт жену в комнаты:

– Иди, я тебе скажу то, что тебе так захотелось знать.

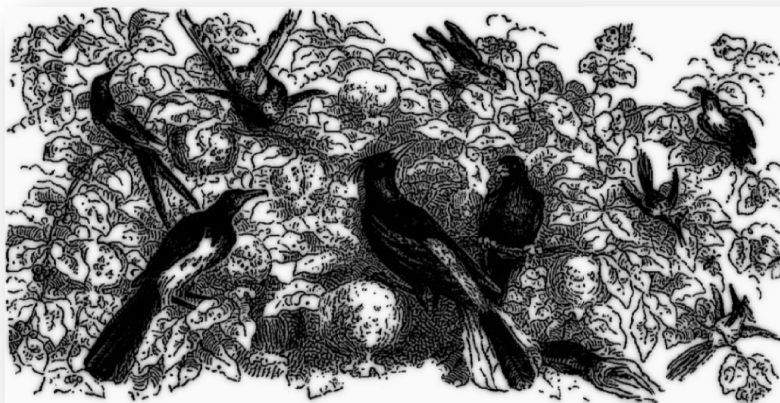




И он её стал урезонивать палочными ударами, приговаривая:

– Вот тебе, вот тебе, жена!

Таким-то образом он отвечал ей, и с тех пор жена никогда больше не спрашивала мужа, отчего он смеялся.



## **Х. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** CONCLUSION.

Такова была последняя сказка далматинца, Она была также последнею из рассказанных мне в этот день капитаном. Назавтра были новые, на послезавтра опять новые. Моряк был прав: библиотека его была неисчерпаема, память никогда ему не изменяла, слово не останавливалось... Но рассказывая постоянно, можно и наскучить читателям, и наконец, надо же что-нибудь и приберечь для будущего года. Быть мо-

жет, тогда мы снова найдём капитана я попросим его мудрых уроков.



А пока, дорогие читатели, я оставляю вас со словами, которыми каждый день меня напутствовал прекрасный капитан: "Мой друг, – говорил он, – будь умён, слушайся матери, исполняй свои обязанности, чтоб назавтра опять позволили слушать мои сказки; удовольствие хорошо только после труда; только тот веселится, кто хорошо поработал. Ну теперь, – прибавлял моряк, пожимая мою руку, – Господь с тобой".

Прощайте, друзья читатели, как пишут обыкновенно в старых книгах, прощайте, друзья читательницы. Пусть мудрость капитана сделает из каждого между вами такого же доброго и работающего, как был его отец, и такого же мягкого и любезного, какою была его мать. Это последнее желание вашего старого друга.

